

Валентин и Юлия
ГНАТЮК

СВЯТОСЛАВ

Хазария

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г56

Дизайн обложки *Екатерины Фerez*

Гнатюк, Валентин.

Г56 Святослав. Хазария / Валентин Гнатюк, Юлия Гнатюк. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 512 с. — (Эксклюзивная история).

ISBN 978-5-17-187324-0

Перед вами вторая книга трилогии о легендарном киевском князе Святославе Игоревиче. Трилогия представляет собой подробное жизнеописание князя и широкую панораму событий X века — переломной эпохи накануне крещения Руси, когда государство вело напряженную борьбу за место среди сильнейших держав раннего Средневековья. На страницах романа оживают сложные взаимоотношения Руси с Византией, Хазарией, Болгарией и другими государствами того времени. По словам Михаила Задорнова, авторы создали «очень честный и правильный образ Святослава как настоящего патриота и мудрого правителя, объединившего славян».

Вторая книга рассказывает о зрелом периоде правления Святослава — его легендарном походе на Хазарию. На страницах романа оживают грандиозные сражения с хазарскими войсками, сложные интриги византийских стратигосов и предательство в рядах русской дружины. Жестокий мир раннего Средневековья испытывает на прочность и волю героя, и верность его сердца любимой. Это история о мужании князя как государственного деятеля, его противостоянии с матерью, княгиней Ольгой, и верности заветам предков, определившим судьбу Руси.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-187324-0

© Гнатюк В., Гнатюк Ю., текст
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

После того как я прочитал этот роман, первая мысль, которая пришла на ум: надо бы в центре России, в Москве или в Питере, поставить достойный памятник этому верному служителю нашего Рода.

Память о Святославе сознательно уничтожалась на протяжении столетий. Зачем уничтожалась ранняя история Руси, мы все прекрасно понимаем. Рюрик, Олег, Игорь, Святослав — все они очень неудобные и не вписывающиеся в западную историю, в которой Руси и позже России отводилось место зависимой, неспособной на самостоятельное развитие, варварской страны.

Конечно, эта книга может вызвать скандал в научной, а точнее говоря, в псевдонаучной среде. Ведь почти все древние летописи, дошедшие до наших дней, — это списки, сделанные нашими хроникёрами, в которых реальная история переврана в угоду византийскому христианству. Валентин и Юлия Гнатюк создали в своей книге очень честный и правильный образ Святослава, как настоящего патриота и мудрого правителя, объединившего славян.

Я очень советую всем прочитав эту замечательную трилогию и, наконец, понять, какой бедой для Руси в своё время оказался Хазарский каганат, которым фактически уже тогда правили иудеи. Бесстрашная, независимая, сильная Русь вызывала зависть и бессильную злобу у правителей наших соседей, уже прогнутых под торгашей. Многие славянские народы обязаны Святославу жизнью и свободой. Именно Олег, Игорь и Святослав заставили Византию уважать Русь. А ведь Византия того времени — это, говоря современным языком, сверхдержава, оплот цивилизации и демократии.

История развивается по спирали. На очередном витке события повторяются. Меняются декорации, но суть

остаётся та же. Нужно ли говорить о том, как важно нам сегодня иметь правильную, неотформатированную память о своих великих предках?

Юлия и Валентин Гнатюк написали несколько интересных книг об истории Руси. Роман-трилогия «Святослав» — прекрасное продолжение этой большой работы. Благодаря тщательному подходу к историческим фактам, образному мышлению и уважению к нашему глубокому прошлому, писателям удалось буквально проникнуть в эпоху Древней Руси и пройти по следам легендарного князя. Я считаю, что это лучший исторический роман о князе Святославе.

Описание природы, живые картины быта, ратного обучения и праздников дают ощущение полного присутствия в тот исторический период и сопричастности происходящему, и эта магия не отпускает до самого конца книги.

Трилогия «Святослав. Возмужание», «Святослав. Хазария», «Святослав. Болгария» — прекрасный подарок читателю, любящему нашу историю, в которой сокрыты многие ключи и нынешнего и грядущего!

Уверен, после прочтения вам захочется вернуться к более раннему периоду нашей истории и узнать о том, как начиналась Великая Русь при князе Рюрике. Свою версию о Рюрике и его братьях мы изложили совместно с авторами в книге «Рюрик. Полёт Сокола». Будут и другие книги о том времени. Сейчас работаем над книгой об Олеге Вещем. Необходимо восстановить память. У кого нет прошлого — нет и будущего.

Михаил Задорнов

Часть первая
ВОЛШЕБНЫЙ ПОЛЕТ

Глава первая

ПОЛНОЛЕТИЕ СВЯТОСЛАВА

Лета 6471 (963)

Шесть греческих стратигосов, получив напутствие от императора Романа, отправились к начальнику Тайной стражи архистратигосу Викентию Агриппулусу. Именно он руководил отправкой в Хазарию, и ему должны будут посылать свои отчёты и сообщения означенные стратигосы.

Собранный и немногословный Агриппулус говорил кратко, тихим голосом, что невольно заставляло слушателей напрягать внимание:

— Ваш путь лежит к купеческим караваном по Борисфену в Киефф, а потом, пробыв в столице россов одну-две седмицы, отправитесь дальше в Итиль, как торговцы с товарами. В Киеффе тщательно изучить военные силы россов — сколько полков и сколько тем у них может быть готово к выступлению, и как быстро они могут их собрать. Там вам поможет в сборе сведений отец Алексис. — Архистратигос замолчал, острым взором окинув лица. Убедившись, что все слушают внимательно, продолжил: — По прибытию в Итиль принимайтесь за обучение хазарского воинства, чему и как учить хазар, знаете. Я хочу напомнить, что главная ваша задача состоит в том, чтобы восточный противник не давал покоя Руси. Пока будет силён каганат, россы не будут помышлять ни о чём другом. Это ваша самая главная задача в служении империи! — с нажимом на слово «главная» закончил краткую речь Викентий. Потом, снова помолчав и внимательно глядя на стратигосов, добавил: — И последнее. В столице Каганата поступите в распоряжение старшего стратигоса Каридиса, который давно уже находится в Хазарии и поможет вам

быстрее освоиться на новом месте. Все его указания выполнять, не обсуждая. Всё, счастливого пути! Да хранит вас Господь великий и всемогущий, я скажу патриарху Полиэвкту, чтобы он велел монахам молиться за вас!

На киевском Торжище спозаранку непрерывно бурлила толпа, звенели крики гостей, подручных и скупщиков, далеко окрест разносилось мычание коров, блеяние овец и конское ржание.

Притыка, Издеба и Горицвет подъехали к Торжищу, когда ещё не развеялась утренняя прохлада. У коновязи темники заспорили, ехать по рядам верхом или лучше оставить коней. Всё-таки рассудительный Издеба убедил друзей, и они оставили скакунов под присмотром стреманных. Только Горицвет кликнул своего отрока, чтоб следовал за ними.

Сразу у ворот начиналась клокочущая и бурная людская река. Темники вступили в неё, и шумное, зазывающее, жарко спорящее и источающее бесчисленные запахи Торжище понесло витязей по своим руслам, рукавам и протокам. Сначала низом, мимо съестных припасов, мёдов, рыбы и всякого брашна, а потом вынесло туда, куда хотели темники — к рядам бронников и оружейников. Щиты, шелома, наручи, поножи, нагрудники, кольчуги и прочие изделия киевских, новгородских, фряжских, византийских, варяжских, а то и арабских мастеров — из стран далёких и близких, полуденных и полуночных. Совсем простые доспехи для небогатых ратников и дорогие, блистающие камнями, серебром-золотом, изукрашенные чернью и финифтью.

Опытные глаза старых воинов равнодушно скользили по одним изделиям и задерживались на тех, что были сработаны особенно ладно и чем-либо выделялись из прочих. Вот седовласый Издеба, остановившись, повертел в своих мощных руках стальной наруч, вроде обычный, без особых прикрас, но он чем-то привлёк внимание темника. Издеба внимательно осмотрел его своим единственным оком. Притыка и себе, будто пробуя на прочность, постучал по наручу костяшками пальцев.

— Что тюкаешь? — засмеялся хозяин товара, невзрачный мужик с выгоревшими волосами, схваченными медным обручем, одетый в кожаный передник. — Чеканом бить можешь, и тогда товару моему урону не будет!

— А как будет, что тогда? Небось плату за порчу потребуешь? — подзадорил мастера острый на язык Горицвет. — Вот сейчас Притыка врежет со всего маху своим кулачищем, и чекана не надобно!

Они ещё немного пошутили с рукомысленником и пошли дальше.

— Смех смехом, братья-темники, а товар у сего мастера и впрямь добрый, — подтвердил Издеба. — Я его знаю, он новгородский. Изделия особой красой не блещут, но зато прочны необычайно. Таким наручем и удар меча можно отвести умеючи...

— И я про его товар слыхивал, — поддержал могучий как дуб Притыка. — Сей мастер так хитро пластины меж собой скрепляет, что они при ударе играют и опять выпрямляются. Такие только наш Молотило во всём Киеве делать мог...

Перейдя на оружейные ряды, друзья пошли ещё медленнее.

— А что, может, меч князю поднести? — предложил Издеба.

— Князь любит доброе оружие, — согласился Притыка.

— Нет, друзья, — возразил Горицвет, — мечей, я мыслю, князю нынче целый воз надарят, надобно что-то особенное сыскать!

Темники прошли мимо рабов, обсудив выставленных на продажу отроков и женщин, а потом направились в дальнюю часть Торжища. Вскоре бляние, ржание и фыркание животных стало заглушать голоса торговцев, а в воздухе крепко запахло навозом и конским потом. Ещё один поворот, и друзья оказались в той отгороженной части Торжища, где продавались кони, коровы, могучие невозмутимые волы, пышношерстные овны, козы и другие животные. Отдельно стояли отменные скакуны, выросшие на степном приволье, которых продавали в основном кочевники — хазары, печенеги и койсоги.

— Гляди! — вдруг воскликнул Горицвет, шедший чуть впереди. — О, Свароже, правый!

Но друзья уже и без того застыли в немом восхищении.

В середине одного из загонов стоял конь, белый как снег, без единого тёмного пятнышка. Его влажные розоватые ноздри шевелились, большими диковатыми очами он нервно косил по сторонам, прядал чуткими ушами на восхищённые возгласы, перебирал тонкими крепкими ногами, по которым до самых лопаток иногда пробегала нервная дрожь.

Молодой хазарин, выведший коня, отпустил повод и что-то крикнул, подзадоривая. Жеребец вначале дёрнулся, как бы проверяя прочность повода, а потом пошёл по колу, разминаясь после стояния у коновязи.

— Вот такого князю в подарок! — хриплым от волнения голосом вымолвил Горицвет. — Грива — шёлк, шея лебединая, стать гордая, Перунов конь, не иначе!

— Не по зубам орешек, — охладил пыл друзей Издеба, — такой конь целого терема стоит с конюшнями в придачу...

В это время возле очарованных темников будто из-под земли вырос старый кривоногий хазарин в дорогой одежде и мягких сапогах самой доброй кожи.

— Нарависса конь? — спросил он, хитро улыбаясь и обнажив жёлтые, наполовину выщербленные передние зубы.

— Ладный жеребец, — сдержанно ответил за всех Издеба. — А что просишь за него?

Хазарин ещё раз, не торопясь, смерил узким прищуром русских военачальников с головы до ног.

— Три золотых быка! — наконец сказал он.

— Ого! — крякнул Притыка и почесал голову.

Горицвет присвистнул.

— Он у тебя весь из золота, что ли, купец?

— Ай, боярин! Моя хорошо знает, твоя самый главный небесный бог-воин на такой конь скачет! — улыбаясь во весь щербатый рот, продолжал хазарин, сверкая плутоватыми очами из-под лисьего малахая. Повернувшись к молодому, он что-то властно скомандовал по-хазарски.

Молодой, подобрав повод, взял коня под уздцы и подвёл к темникам.

— Поцему говоришь — дорого? — Жёлтая заскорузлая рука прошлась по гладкой вые скакуна, похлопала по мускулистой груди. — Гляди, боярина, хорошо гляди! Разве три золотых быка — цена для божеский конь? — Хазарин многозначительно зацокал языком. — Твоя покупай, моя кумыс наливай!

Ещё один окрик, и со стороны навеса примчался хазарский мальчик с бурдюком и пиалой из цветной глины.

Темники отошли чуть в сторону посовещаться.

— Наших денег, само собой, не хватит, — рассуждал Издеба, — но ежели клич среди темников кинуть да пустить шелом по кругу, наберём!

— Точно! — пробасил Притыка.

— Соберём этой клюке хазарской три золотых быка, — взволнованно рёк Горицвет, потрясая наполовину седым оселедцем, — зато какой подарок князю! Истинно, будто сам Перун будет лететь во главе войска!

Горицвет уже кликнул стремленного, чтобы отослать его с поручением, когда к старому хазарину подошёл какой-то муж в добротном одеянии и, не торгуясь, отдал кочевнику требуемую сумму. Два молодых гридня тут же подхватили белоснежного красавца за повод и, крепко держа, вывели его из загона.

— Э, постойте, куда? Это наш конь! — растерянно кликнул Притыка. Но гридни и важный муж не обратили на друзей никакого внимания и скоро скрылись из виду.

— Твоя долго думай, такой конь упустил! — укоризненно, как бы сожалея о таком скором торге, сказал старый хазарин ошарашенным темникам. — Не печалься, однако, на вот, выпей кумыс! — Он налил из кожаного бурдюка хмельного кобыльего молока и протянул пиалу Горицвету.

— Дякуем, нам пора! — Горицвет досадливо хватил кулаком по деревянной ограде и, круто повернувшись, зашагал прочь со скотного двора. Унылые и не меньше расстроенные друзья последовали за ним. Хазарин про-

водил их пристальным взглядом, потом выплеснул молоко и заковылял под навес.

Некоторое время трое друзей бесцельно бродили по Торжищу.

— Давайте ещё на варяжские и греческие ряды сходим, может, там что подберём, — предложил Притыка.

Они свернули за угол и вдруг в привычном шуме толпы услышали совсем иные звуки — откуда-то раздался громкий и чистый голос гусельника и рокот его серебряных струн. Привлечённые пением темники подошли к колу плотно стоящих людей. На небольшом возвышении в углу Торжища сидел старый Боян. Рубаха и штаны на нём были из сырого домотканого полотна, подпоясанные простым вервием. Длинная белая борода и усы, морщинистое лицо, розовые, с прожилками вен, щёки и бездонные очи цвета льна, которыми он глядел, устремив перед собой невидящий взор, поскольку уже много лет как ослеп. Однако худой стан его был на удивление прям, а голос чист и силён. Невидящими очами глядел он куда-то в древнюю даль, о которой пел, а руки привычно перебирали струны гуслей.

— В старые времена, — пел Боян, — жил мудрый прародитель наш Ирей. И имел он трёх сыновей, трёх славных мужей, — один звался Кий, второй Щех, а третий храбрый Хорив. В те давние времена славянские Роды были едиными и имели державу великую Русколань. А пришли они из земли святой Семиреченской в край Русский и прославляли богов светлых — Дажьбога-отца, Яро-бога, Ладо, Купало, Вышня, Крышня, Велеса и Стрибога, Хорса, Перуна и Деда богов Сварога и потому назывались славянами. Князья и Кудесники Родами правили, а Старейшины судили людей под Дубом Перуновым. И жили они у Горы Великой пять сотен лет, а потом пошли к Непре-реке, к Волхову и на Дунай, и ещё пять сотен лет счастливо жили. Кияне на Непре град основали Киев, а борусы ушли дальше к Дунаю и там сражались с Траяном. Мы же в Киеве обосновались, дома из дубовых брёвен поставили, и стал тот град сердцем новой земли Русской, стал венценосной столицей края лесного и огнищанского. Тысячелетние Боголесья теснились вокруг него, и в тех Дубравах положили

Пращуры Бел-камень, окропив его кровью чистейших агнцев. И стало то место главным Требищем и Мольбищем. И на Мольбище том веснянки пели в Яре, огонь Купалин разводили летом, Первый Сноп приносили в жертву Даждьбогу, а в Овсени плоды, цветы и кринку мёда-самотёка. И Тризны справляли, вспоминая Отцов с Праотцами, и всех витязей, что приняли храбрую смерть на поле брани. И да пребудет вечно над градом Киевом защита богов славянских!

Так пел Боян, и люди стояли, погружившись в думы. И хотя знали темники всё, о чём рассказывал в песне старый гусяр, но тоже стояли и слушали с неменьшим интересом.

*Слава богу Перуну Гремящему!
Слава Огнекудрому Златоусому богу нашему,
Который верных Ему ведёт по стезе Правы,
А на врагов посылает разящие стрелы-молнии.
Он же для воинов всегда есть Честь и Суд.
Слава князю нашему Святославу Хороброму,
Яко тот воистину есть Перунич!
Ныне обрела земля наша опору твёрдую,
Ныне стал Святослав свет Игоревич воеводой
Руси великой.
Слава Святославу, князю нашему!
Слава стольному граду Киеву!
Слава богам русским отныне и во веки веков!*

12

Слушая Бояна, темники совсем позабыли про неудачу с конём и, лишь когда старец запел о Святославе, продолжателе пращурской веры и великих славянских традиций, тогда вспомнили друзья о подарке для князя.

Походив ещё по разноязычному Торжищу, они вернулись к кузнецу-броннику и купили пару его хитроумных наручей, а также удобный подшлемник.

Услышав, для кого подарок, кузнец сам выбрал из своего товара лучшее и цену ломить не стал, пожелав, чтоб его наручи всегда хранили князя и верно служили долгое время.

Несколько успокоенные темники покинули наконец Торжище. Жаждавшие стременные помогли оседлать

коней, и три друга поскакали в направлении княжеского терема.

А старый Боян ещё долго пел людям. Солнце освещало его седые власы, а скоро и вечер синей тенью постелился у ног. Сгущались предвечерние сумерки, на востоке поднимался ярый месяц, и Торжище постепенно пустело. А Боян, не видя этого, продолжал петь, глядя в сваргу незрячими очами:

*Слава богу Радогощу, покровителю путников и гостей,
Слава богу гостеприимства славянского,*

богу Ряда и Совета доброго!

Слава богам Путничу и Странничу,

странников берегущих!

Слава богу Здравичу, немощных оздоравливающему!

Слава Хорсу великому, живот дающему!

Слава Свентовиду, богу Вышнему, слава!

Слава Земнобогу, богу присному,

всякой твари кормителю!

*Слава богам Просичу, Овсеничу и богам Зерничу
с Житничем,*

Жито родящим и землю Киевскую хранящим!

Слава богу Зиждичу, покровителю зодчества!

Слава богу Велесу, стад звёздных водителю

и искусств покровителю!

Слава Яриле прекрасному, и всем богам

Великим и Малым,

Которые помогают нам и молятся

за нас перед Сварогом —

Дедом богов, Источником вечной жизни!

Над Торжищем опускалась тихая ночь. Боян всё сидел и думал думу, опустив голову на грудь. Потом вздохнул, поднялся, положил гусли в торбу, закинул её за свою широкую спину, взял клюку и медленно пошёл на Подол привычной дорогой. По улицам уже разносился дух огнищанской еды, и ветер гнал его навстречу, напоминая, что пора вечерять.

И опять вздохнул Боян, вспоминая, что и сам когда-то был молодым и здоровым. А теперь пришла старость, лишила очи света, и не осталось ни детей, ни родствен-

ников, кто бы приютил старика. А жил он у самого берега днепровского, имел угол в чужом доме. С утра, настроив гусли, уходил на Торжище и возвращался лишь к ночи. Находил в углу кусок хлеба, рыбу или горшок млечной каши, что приготовила хозяйка, вечерял и ложился спать. Утром вставал, шёл к реке, умывался, славословил богов, потом снедал, что было, платил хозяйке медных монет из подаяния, брал клюку и гусли и вновь шёл на Торжище, чтоб воспевать прохожим людям минувшую русскую славу.

Не сразу ведь стал он слепым Бояном, а прежде был храбрым дружинником у князя Вольга, ходил с ним в походы на разбойных печенегов, жестоких хазар и хитрых греков. И, слава Перуну, во многих боях сражался, и немало ран получил от врагов во славу земли Киевской. Сохранил его Перун от стрел и мечей вражеских, но крепкое здоровье ушибилось. Начал старый воин мучиться, долго хворал, а с тем и зрение понемногу утратил. И тогда с печалью в сердце впервые взял гусли, и струны зарокотали-запели в его руках. Сам Велес-бог открыл ему вещий дар и поручил пробуждать песнями людские сердца. И дал ему слово грозное, как оружие крепкое, которое в самые недра души проникало и ранило. И сам князь Игорь тех словес опасался и старался Бояна приласкать, не обидеть, и зазывал часто в свои хоромы послушать те песни на праздники. Теперь уже не зовут его в княжеский терем, княгиня Ольга Бояновы песни боле не слушает, а слушает льстивые речи византийских попов. Одно отрадно, что князь молодой славу русскую помнит и богов славянских почитает, да продлят они его дни!

И Боян стал творить молитву за Святослава.

Между тем в княжеском тереме только начиналось настоящее празднество. Большая гридница была полна народу. Множество свечей и греческих светильников-хоросов, заправленных бараньим жиром, пылали так ярко, что было светло, как днём.

Весело звенели кимвалы, гудели рожки и волынки. Неутомимые скоморохи плясали, вертелись и выкидывали такие коленца, что гости то и дело разражались смехом и сами готовы были пуститься вприсядку,

да присутствие княгини и именитых гостей сдерживало их.

Ольга со Святославом сидели во главе уставленного яствами и хмельными мёдами стола. Справа от Святослава сидели Свенельд и старые темники, дальше — темники бывшей Малой дружины. Слева от княгини — родственники, знатные бояре, а затем купцы. По важной причине собрались здесь именитые гости и звенели гусли с кимвалами — ещё бы, нынче справлялся день полнолетия Святослава!

Минуло трижды по семь годовых коловоротов — коло познания Тайных Вед, коло постижения Ратной науки и коло Возмужания. Святославу исполнилось двадцать одно лето. Он стал не только князем, но и главным военачальником русской дружины. Ещё вчера на утреннем построении Святослав стоял подле воеводы. А нынче Свенельд сам докладывал ему о готовности полков.

Накануне был долгий разговор с Великим Могуном и кудесниками. Никто не ведал и никогда не поведает, о чём говорили волхвы с князем, какие напутственные слова сказали ему — тайны могунские твёрже самого крепкого камня. И не зря, видно, на столешнице перед Святославом рядом с дорогой посудой стояла старая медная чаша Велесдара, а за голенищем новых красных сапог торчала роговая рукоять ножа — вещи старого наставника, с которыми Святослав никогда не расставался. Живо, словно это было вчера, он вспоминал, как этим ножом Велесдар впервые обрил его мальчишескую голову, а в чаше принёс серьгу с синим камнем. Видит ли теперь старый волхв и узнаёт ли своего ученика? Вот он сидит во главе стола, с тёмным оселедцем и пущенными вниз усами, с заметным шрамом на щеке, оставшимся от печенежской сабли. Крепкие плечи под шёлковой рубахой бугрятся мышцами искусного и опытного воина. Синие, источающие силу глаза смотрят уверенно и пронзительно, выдавая острый ум и недюжинную волю. Таким бы увидел воспитанника старый кудесник Велесдар и остался бы им доволен.

Средь веселого всеобщего пира молодой князь Святослав Игоревич казался задумчивым. Он мало ел и пил,